

ФИЛОСОФ, ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ: РОССИЯ - ВЕК XXI

Концепция Лучанкина А. И. и Нордберга В. В.

*в книге «Экономия смеха: утопия и абсурд в социальной
инноватике»*

Понимание истории русской философии как академической дисциплины часто в самой студенческой среде связывается обычно с ее разделением на несколько этапов: века с IX по XVIII, XIX – XX (до 1917 г) и Советский период. И если вдруг оказалось, что ты историк русской философии, то обязательно историк той самой, из трех этапов, и, наверное, предмет твоих интересов – Чаадаев, Розанов или Соловьев. Я нисколько не умаляю заслуг упомянутых философствующих субъектов, но и не согласен с таким однобоким, слишком историчным и опасливым взглядом на отечественное философствование, в поле которого попадают десятилетиями отобранные мыслители.

Понятно, что преподавать студентам «что попало» - дело не совсем хорошее, но все-таки практикуемое на философских факультетах, и необходимо страховать подлинное академическое знание от «пены современности», однако я предприму попытку представить совсем недавнюю работу именно как русскую философию, философию, рожденную на русском языке и в пространстве преобладающей русскоязычной культуры, и поэтому являющуюся предметом рассмотрения историков русской философии.

Материалом к данной публикации послужила книга двух авторов, Лучанкина и Нордберга, вышедшая совсем недавно, в марте 2005 года. На первый взгляд, после первого прочтения названия она вряд ли может быть однозначно отнесена в стан философских работ, однако содержание ее как не-философию определить затруднительно. В этом и заключается отчасти понимание того, о чем пойдет речь в статье: «философские» названия, «знаковые» имена и содержательная «философская» очевидность остались уже в «классической эпохе», и, пожалуй,

были сохранены советской традицией, где имена означали территориальные пределы возможного доступа: Маркс - это по философской части, Диалектика – это органон просветленного марксиста, и если ты философ - то, чем ты занят, есть философия (верно и обратное). Если же имена неизвестны, то, возможно назвать Хайдеггера в одном из философских словарей 1950-х буквально «романтическим социологом» и, соответственно, отнести его к совсем другой области исследования, поэтому и «социальную инноватику, утопию и абсурд» не надо понимать как некие «внешние» для философского знания термины и концепты. Кто знает, может быть это будущие философские дисциплины, и мы стоим у истоков новизны.

Учитывая то, что работа вышла недавно и не подверглась жесткому и публичному обсуждению в философской среде, я не буду пытаться делать в статье невероятное и пересказывать важное, главное и определяющее, подмеченное критиками. Целью моего рассмотрения являются не только мысли и концепты авторов, но также проблематизирование философии и философствования в их современном для России состоянии.

Сами авторы придерживаются исходного положения, согласно которому рассуждаются презентизм и символизм понимаются как способы поставления себя, «другого» и тотализации социального. Философия уже не некоторое занятие, и вовсе не наука о главном, или о сущем. Это не институция, не чисто дискурсивная практика, не символический универсум или область конечных значений, не то, чем она была ранее, если сказать проще: «Философия, понятая как педагогическое искусство жить вопреки абсурду, испытываясь и в стремлении к мудрости ставит присутствие мысли в экстремальное положение. Верный до конца своему устремлению, философ может выйти из философии, понятой им как педагогика готовых ответов за пределами ставшего сущего, утверждаясь на окончательной границе, имена которой – нищета, остракизм (со стороны господ, рабов, попов), молчание, одиночество, падение в бедность и нищету, в безнадежное угасание. Выстоять здесь – значит обрести второе дыхание, впервые обрести свободу в преодолении несвободы, освободиться от зависимого положения» [Лучанкин А.И., Нордберг В.В. Экономия смеха: абсурд и утопия в социальной инноватике. Екатеринбург: Зевс, 2005. С. 22].

«Педагогика готовых ответов» представляется как противостоящая философствованию, как тотальная завершенность, оконченность во всем, ситуация предзаданности ответа еще до возникновения вопроса, и нужна для финализации мира и представлений о нем в «человеке», «студенте» и пр. Это выход за рамки объяснительной, квазинаучной парадигмы, в которой гуманитарное и социальное должны разместить в своих телах новое, одеть его в схематизм легитимных (моральных, нравственных, религиозных, властных) порядков для успешного вопрошания о нужном и приоритетном.

Философствование размещено на нескольких уровнях: «...либо а) философ служит и обслуживает толерантные ему социальные машины, обслуживая секс, деньги, политическую и образовательно-информационную власть; б) либо – и это принципиально - критикует свою эпоху, характерные для нее «фабрики глупости», причем под маской художника, «политолога», правозащитника, психотерапевта и т.п. в) отношение к своей эпохе – две возможных стратегии жизни, т.е. достойного присутствия при собственном умирании» [Лучанкин А.И., Нордберг В.В. Экономия смеха: абсурд и утопия в социальной инноватике]. – Екатеринбург: Зевс, 2005. С. 36].

Достойное умирание заслуживает более полного пояснения и расшифровки, как мне кажется, имелось в виду популярное метафорическое определение философии профессором Лучанкиным: «философия – агония свободных мужчин, практикующих достойное умирание» [Лучанкин А.И., Нордберг В.В. Экономия смеха: абсурд и утопия в социальной инноватике]. – Екб.: Зевс, 2005. С. 159]. Умирание и жизнь - синонимы, рассмотренные с разных позиций. Философ смотрит на жизнь как на заканчивание, на необходимый переход, а некоторые - как на вживание в будущее, поэтому и смерть для них - либо начало, либо конец.

Особенно интересным мне кажется рассуждение о том, что и высылка философов из России в 1922, и конверсия бывших «диапатчиков», «истматчиков», и «партполитучителей» в культурологов, политологов и социальных философов - ситуация абсурдная, но традиционная. Кто видел философов в последние 30 лет в России, а не за ее пределами? А если их никто не слышал и не видел, откуда им, собственно, появиться? Какое многообразие издано педагогик готовых ответов так называемыми философами для «необразованного плебса»! Замечательные «ответы по философии», или «100 ответов к экзамену», или пять учебников по социальной философии всего за 10 лет. С одной стороны, все это - торжество свободы слова и непредставимой демократии, но с другой - куда эта свобода приводит? Конверсия сменила базовое содержание философского знания, но рога и копыта готовых ответов лезут из-под белых одежд просвещения, и рынок делает свое дело, и коммерческая философия – уже совсем не иллюзия. Она исчисляется и должна давать эффект и практические результаты. Все эти продукты можно отнести к первому выбору, к обслуживанию социальных систем, к их завершению и конституированию.

Узурпация государством философствования не привела ни к чему, что бы позволяло говорить даже о несомненности существования «Русской Философии», потому как соседи по кафедре нет-нет, да и скажут юным студентам, что философии в России как бы нет, но ее преподают, что есть целые академические курсы, но это еще ничего не значит.

Авторы подводят нас к мысли о том, что философия, прежде всего, – это испытание новых человеческих способностей, новизны его самопроектирования, а философ, для начала должен стать этаким «хакером» социальности, который взламывает нормализацию и приведение к сексу, деньгам и политике без видимого разрушения кода, а значит, без санкций со стороны попов, рабов и господ. Философ уже не набор практик или маргинальное проживание, это некий режим испытывания невозможного, когда относительность относительного понимается не как отношение отдельности между объективными реальностями и предметными мирами, а как самоотнесение к другим в произвольном, но все-таки порядке. Философствование можно понимать как некое отклоняющееся нериторическое поведение, без очевидной социальной прагматики и синтагматики. Это озвучивание пустоты, носящейся в повседневности, и расстановка пауз в ненужных для «большого брата» местах. Диалог – лишь блеклое отображение философствования, на фоне говорящей реальности и кричащей повседневности, которым не с кем вступить в диалог, и философ говорит с немым и молчащим на своем языке, и поэтому осужден и вытеснен на края социальности.

Для тех же, кто думает, что русской философии все еще нет, скажу, что, по моему мнению, она появилась в новом режиме и требует прочтения, понимания и проблематизации, иначе она все так же будет лишь постклассической/постструктуралистской в рамках курсов современной зарубежной философии.